

ФИЛОСОФИЯ

УДК 170.23.32 + 316.75

**СУБЪЕКТ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ВЕРЯЩИЙ,
И НАЦИЯ КАК НУЛЕВОЙ ИНСТИТУТ****Окончание. Начало в предыдущем выпуске***Мочник Растко**

*профессор кафедры социологии
философский факультет Люблянского университета
Словения, 1000, Любляна, ул. Ашкерчева, 2
e-mail: josip.mocnik@guest.arnes.si*

В данном тексте мы пытаемся систематизировать результаты различных теоретических изысканий, которые, становясь частью стремительно меняющейся исторической ситуации последних десятилетий благодаря переплетающимся логикам теоретической работы и исторической практики, оформились вокруг концепции идеологической интерпелляции Луи Альтюссера¹. Какими бы ни были теоретические результаты наших усилий, они предпринимались в рамках довольно гетерогенного набора практик в попытке помыслить, т.е. «организовать» в интеллектуальном и практическом плане наши исторические обязательства и устремления последних десятилетий на таких теоретических основаниях, где значительное место занимает мощный теоретический аппарат, оставленный нам в наследство альтюссеровским переосмыслением исторического материализма. Во время блестящих маршей восьмидесятых, когда с каждым новым шагом исторический процесс, казалось, обретал форму блистательной фразы, мы, возможно, были убаюканы самодовольством, потеряли возможность видеть и теперь оказались низвергнуты на землю, задаваясь вопросом, почему восемнадцатое Брюмера с неизбежностью следует за разнообразными «веснами» и «оттепелями»².

Ключевые слова: неомарксизм; идеология; идеологическая интерпелляция; субъект; нация; принуждение; социальные институты.

Нация как нулевой институт

В статье 1956 г. [23] Леви-Строс развил тезис о том, что дуальные социальные организации каким-то «спонтанным» образом становятся организациями тернарными. Не останавливаясь подробно на возможной релевантности этого для

основной идеи текста, он также предположил, что в каждом обществе существует, по всей видимости, нефункциональный *нулевой институт*, единственной функцией которого является обеспечение возможности существования общества. С помощью подходящего определения «дуального общества» мы можем показать, что введение третьего элемента является структурно необходимым и что этой дополнительной структурной инстанцией является нулевой институт.

Леви-Строс [21, 22] предлагает пример дуально организованной деревни виннебаго и обращает внимание на то, что информанты из разных половин дают поразительно разные описания организации деревни: хотя оба представления являются дуальными, одно из них базируется на диаметральной концепции дуализма, а другое — на концентрической концепции.

* Статья была впервые опубликована на немецком языке под заголовком «Das „Subjekt, dem unterstellt wird zu glauben“ und die Nation als eine Null-Institution» в антологии: Boeke H., Mueller J.Ch., Reinfeld S. Denk-Prozesse nach Althusser. Argument. Hamburg; Berlin, 1994. На русском языке статья выходила в журнале «Критика и семиотика» в переводе Т.И. Кихтенко: Мочник Р. Субъект, который должен верить, и нация как нулевой институт // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3/4. С. 33–66. Публикуемый в «Вестнике Пермского университета» текст представляет собой переработанный вариант перевода первой части статьи профессора Мочника (редактор перевода Д.К. Чулаков).

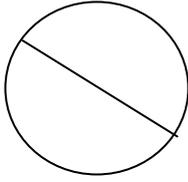

Рис. 1. Деревня виннебаго по сведениям информантов половины Верха

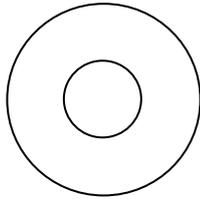

Рис. 2. Деревня виннебаго по сведениям информантов половины Низа

Подобное расхождение в представлениях свидетельствует в пользу историко-материалистической точки зрения, согласно которой понятие «социальной тотальности» зависит от структурной позиции, из которой постигается эта «тотальность»; оно также ставит вопрос радикальным образом: как подобное общество вообще может производить эффект тотальности, как оно может воспроизводить себя? При таких условиях социальные «интеграция» и воспроизводство кажутся невозможными, поскольку должны быть заблокированы двумя радикально различными, взаимоисключающими идеологическими схемами, которые не могут коммуницировать.

Очевидный интерпретационный тупик на самом деле является отправной точкой для теоретической работы. Это позволяет дать более точное определение «дуальной» (или любой другой) социальной организации, потому что она предполагает необходимость учитывать в таком определении идеологическое посредничество при воспроизводстве социальных отношений³.

Таким образом, дуальная социальная организация может быть определена как организация, допускающая две различные дуальные концепции социального «целого».

Подобная организация сталкивается со структурно обусловленным коммуникативным коллапсом, который (только и) может быть преодолен введением третьей идеологической концепции, которая является «нейтральной» по отношению к двум другим представлениям об «обществе» и, обращаясь к которой, две конститутивные идеологии могут определять и «размещать» друг друга

[по отношению друг к другу] и, таким образом, коммуницировать.

Давайте предположим упрощенную модель такого решения⁴. Представим себе, что некоторый социальный мир, состоящий из объектов, определенных тремя оппозиционно организованными дифференциальными признаками, первоначально выстроен дуальным способом. Одна из «начальных» дуальных идеологических концепций организует этот мир согласно оппозиции «круглый/некруглый», а другая — согласно оппозиции «жирный/нежирный». Воспринимая социальный мир двумя разными дуальными способами, члены этого общества не могут прямо коммуницировать, если обе группы, определенные их идеологическими «мировоззрениями», не найдут общего решения. Решение возникает благодаря введению третьего типа «концептуальной схемы», основанной на нерелевантном дифференциальном признаке. Такое решение может быть представлено в виде двух шагов⁵:

1. Восприятие и определение неправильного понимания (неправильное понимание оказывается позитивным моментом в социальной интеграции):

– «Ваша концепция социального мира основана на признаке, нерелевантном для моей концепции».

– «Мой способ организации мира основывается на различии, нерелевантном для вашего способа его организации».

На данном шаге вводится понятие нерелевантного дифференциального признака.

2. На втором шаге обе группы «соглашаются» признать общий способ организации мира, основанный на различительной оппозиции, нерелевантной для обеих идеологических концепций. Эта «третья» концептуальная схема является нулевым институтом. Нулевой институт функционирует как общая референция для двух взаимоисключающих концептуальных схем (они обе могут быть «порождены» ею) и таким образом обеспечивает их коммуникацию, предлагая себя в качестве «нейтральной», посреднической инстанции. Нулевой институт производит тотализующий эффект «Общества».

Наша гипотеза заключается в том, что нация функционирует как нулевой институт. Интуитивно эта идея кажется убедительной: 1) тогда как другие институты, подразделения и пр. кажутся функциональными в современном обществе, нация кажется «не имеющей» функции; 2) соответственно, в национально организованных обществах все функциональные институты

и т.д. отсылают к нации и воспринимаются в ее перспективе. Поэтому можно предположить, что нация не имеет никакой другой функции, кроме как обеспечивать возможность существования определенному типу общества, т.е. воспроизводить себя «как целое». Противоречит интуиции то, что *данный* тип общества уже обладает механизмом всеобъемлющего социального воспроизводства — государством. Нация как будто бы *удваивает* уже существующий институт. Другие трудности связаны с различием между тем, как нулевой институт функционирует в обществах без государства⁶, и тем, как функционирует нация:

1. В то время как стандартный нулевой институт *разделяет общество изнутри*, нация *объединяет* современное общество и определяет его *внешнюю границу*. В то время как нулевой институт *разделяет общество на взаимоисключающие части*, нация *объединяет общество в единое целое*.

2. В то время как стандартный нулевой институт определяет себя по отношению к другим (функциональным) институтам *одного и того же* общества, нация определяет себя по отношению к *такому же* институту (нации) *других* обществ.

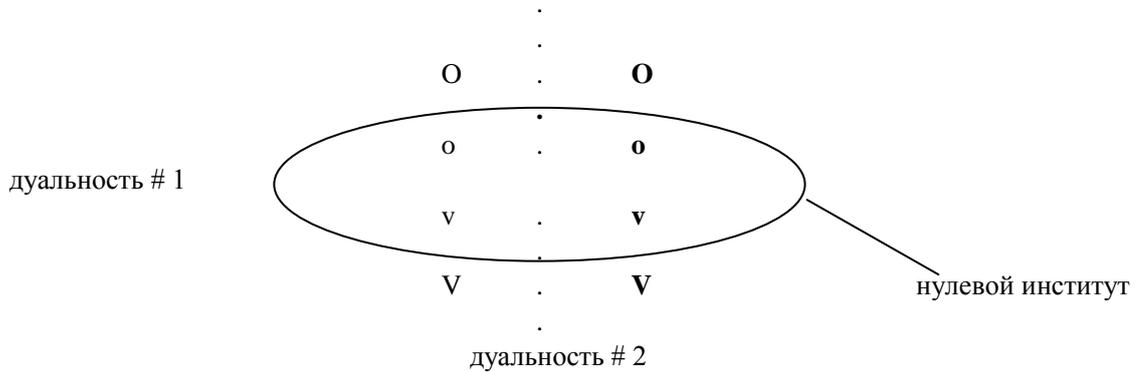

Рис. 3. Модель дуальной социальной организации

Нация является внутренне включающей и внешне исключающей, тогда как стандартный нулевой институт внутренне исключает и не имеет внешнего измерения. Или, в более точных терминах:

– *Нация инклюзивна в гетерогенном измерении* (она включает другие гетерогенные институты одного и того же общества) и *эксклюзивна в гомогенном измерении* (она исключает институты того же самого типа, т.е. другие нации).

– *Стандартный нулевой институт эксклюзивен в гетерогенном измерении* (он «пересекает» другие институты различных гетерогенных видов) и *инклюзивен в гомогенном измерении* (в пределах собственного измерения он распределяет индивидов унифицированным способом).

Из данных различий следуют важные выводы. В то время как стандартный нулевой институт определяет себя по отношению другим («функциональным») институтам и *разделяет* социальное поле на исключающие части, нация определяет себя по отношению к другим нациям, в первую очередь к тем, с кем она «делит» общие границы, и по отношению к индивидам внутри этих гра-

ниц. Она *объединяет* социальное поле во внутренне инклюзивное и внешне эксклюзивное «целое». Нация в своей основе является воображаемой границей⁷.

Единственная оппозиция, которую нация вводит *внутрь* определяемого ею социального поля, — это оппозиция между индивидом и коллективом. Нация распыляет социальное поле на абстрактных индивидов, определяемых только их отношением к национальному коллективу, т.е. к воображаемой границе. Эта *структурная оппозиция* «функционирует как» или «постигается, испытывается как» *культурная идентификация*. Сама трудность постижения нации в «антропологических» терминах «структуры/культуры» свидетельствует не только об огромной напряженности, присущей национальному образованию общества, но также указывает на необходимость использования *альтюссеровского понятия идеологии* в качестве базового, из которого в конечном счете при определенных условиях могут быть выведены *зависимые* понятия «структуры» (как доминанты) и «культуры» (если перефразировать Маркса, «только иллюзии, но необходимые иллю-

зии»⁸). Подчиненность дихотомии «структура/культура» понятию идеологии опускает как «концептуальный остаток» понятие «материального существования идеологии» в идеологических аппаратах. Именно потому, что оно не может быть классифицировано согласно данной дихотомии, понятие идеологических аппаратов, как главный вклад Альтюссера в материалистическую теорию, является связующим понятием между «структурой» и «культурой». С этой точки зрения *нация как нулевой институт является идеологическим аппаратом государства* (в определенных типах социальной формации).

Это может помочь нам избавиться, хотя бы в принципе, от одного любопытного разногласия между двумя наиболее распространенными типами теории нации: в теориях, «ориентированных на культуру» (Геллнер и, с большей изоциренностью, Хобсбаум), временем появления наций считается начало XIX в.; в теориях, «ориентированных на государство», момент, после которого формирование наций становится необратимым, относят к XVII в. (Балибар); вдобавок «культураллисты» связывают формирование наций с процессами индустриализации и модернизации. (Хотя трудности, с которыми сталкивается этот тезис, можно представить как вопрос дефиниций, он выглядит как противоречащий фактам, особенно в отношении Центральной Европы, региона, всегда бравшегося за образец.) Наша гипотеза связывает возникновение нации с *периодом перехода* от общества иерархии статусов к индивидуалистическому, в некоторых идеологических аспектах «эгалитарному» обществу. Эта гипотеза могла бы получить некоторое обоснование и в более отдаленные периоды, когда появление «небуржуазного» индивидуализма сопровождалось, как представляется, «псевдонациональными» симптомами (поздняя Римская республика, Ренессанс). Как раз в те моменты, когда иерархические и основанные на статусе способы интеграции разрушаются, 1) зарождающийся «вакуум» вызывает определенный вид «индивидуализма»; 2) интеграция путем обращения к «внешним рубежам» общества навязывает себя, даже тогда и особенно тогда, когда «общество» может какое-то время казаться «пустой оболочкой». Этот процесс принимает свой «законченный» вид («он поднимается до уровня собственного понятия» *sit venia verbo Hegeliano*), когда интеграция, основанная на иерархии и статусе, разрушается *как таковая*, т.е. в конце XVIII и начале XIX в. Следуя Балибару, мы можем сказать, что буржуазия не способна завое-

вать современное административное государство до тех пор, пока не создаст идеологический аппарат государства, способный поддерживать буржуазное «использование» государства — нацию. Соответственно, правдоподобным выглядит объяснение восточноевропейских неонационализмов в терминах комбинации реакций: непосредственная реакция на разрушение структуры господства, которая была политически организована по принципу («аристократического») псевдостатуса с корпоратистскими элементами, и опережающая реакция на интеграцию в мировую экономику в тот момент, когда последняя находится под экономическим и идеологическим господством неолиберализма [см.: 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38].

Национальная «идентичность» как институт

Нация как нулевой институт организует «социальное поле» таким образом, чтобы сделать его доступным и управляемым со стороны капиталистического государства, что позволяет аппарату классового господства решать задачи общего социального воспроизводства. Это специфическая организация, навязанная «гражданскому обществу» (капиталистическим) государством⁹. Одним из основных механизмов социальной тотализации, как это делается нацией, является идеологическое признание атомизированных индивидов в качестве членов определенного национального объединения. С точки зрения глобальной социальной интеграции стандартный нулевой институт базируется на отличительной черте, которая нерелевантна для любой из таким образом «интегрируемых» конкретных идеологий. В этом отношении национальный нулевой институт также отличается от стандартного: интеграция, которую он осуществляет, функционирует с точки зрения национального индивида и основана на особой «нерелевантной» черте — черте *избыточности*. «Национальная идентичность» является *абстракцией* принадлежности индивида «обществу», т.е. свойства, которое *особенно, противоречиво, конкретно* всегда уже содержится в других определениях каждого отдельного индивида. Это проекция индивидуалистического принципа, позднее «монополизированного» либеральным демократическим государством, *на* противоречивую структуру конкретных социальных отношений.

Следующие три примера могут показать, как национальная идентификация функционирует в конкретных ситуациях.

- (4) Вальдхайм и австрийцы глубоко задеты (Заголовок на первой странице ежедневной га-

зеты Delo, Любляна 30 апреля 1987 г., после решения США не принимать президента Австрии).

(5) Хотите ли вы, чтобы Словения стала автономным и независимым государством? (Вопрос на референдуме в Словении 26 декабря 1990 г.)

В то время как ситуация, описанная в пункте (5), похоже, выражает одну и ту же идею разными способами («автономное, независимое»), в ситуации (4) одно и то же выражение, по-видимому, отсылает к разным идеям («задеты» чьи-то личные чувства — «задеты» международные интересы государства). В ситуации (4) обыгрывается омонимия, в ситуации (5) — синонимия. Эти риторические процедуры опираются на феномены, обычные в естественных языках: выражение двух «идей» одной лексической единицей создает сходство между этими двумя «идеями» (как в метафоре), устанавливает связь между ними (как в метонимии) или обнаруживает неожиданное измерение в одной или обеих (как в катахрезе); выражение одной и той же «идеи» двумя разными единицами обеспечивает ее двумя подробными описаниями (*enumeratio*), определяет ее с особой точностью (*iteratio*), определяет ее в двух комплементарных перспективах (*definitio*), выражает ее с особенной силой (*amplificatio*) и т.д.

Идеологическая задача (4) состоит не в том, чтобы продемонстрировать витиеватый стиль; используя возможности естественного языка. Предпринимается попытка ввести модальность «быть задетым», которая может одновременно относиться и к индивидуальному, и к коллективному субъекту, к «[коллективному] телу граждан» и главе их государства — таким образом, создается *einzigere Zug* (одна черта. — Прим. переводчика), вокруг которой может быть собрано сообщество.

(5) сообщает дважды одно и то же, чтобы скрыть, что то, о чем говорится, совсем не является ясным¹⁰: два сходных выражения указывают на *семантический пробел*, вокруг которого может телеологически организоваться национальное движение.

Внутри естественного языка возможны эти и другие виды «фигуративного» выражения: однако их «значение» не следует из материального оперирования самим языком, оно зависит от конкретной речевой ситуации. Очевидный порочный круг (значение высказывания определяется коммуникативной ситуацией, которая, в свою очередь, по крайней мере, частично порождается

значением высказывания) разрывается различными побочными детерминациями и ко-детерминациями коммуникативной ситуации, т.е. тем, что она всегда уже *сверхдетерминирована*. Учреждение естественного языка в качестве *национального языка* решающим образом стабилизирует границы *сверхдетерминаций* и в конце концов очерчивает пределы их эффектов.

Поскольку сугубо лингвистические действия не позволяют заранее определить эффекты значения, которые они производят, значение высказывания должно быть определено в сравнении с его возможным фоном верований. Иными словами, лингвистическую машину, которая только порождает «правильно сформированные цепочки» означающих, необходимо усилить *идеологической сверхдетерминацией*, если они должны иметь значение и если это значение должно быть понято¹¹. Естественного языка недостаточно для формирования сообщества. С другой стороны, будучи «институционализированным» в качестве «национального языка», он вносит существенный вклад в подобное формирование. Национальная лингвистическая институционализация имеет свои парадоксы: ее самые важные компоненты — лингвистическая стандартизация и нормализация — являются с лингвистической точки зрения большей частью произвольными и продиктованными нелингвистическими соображениями (исторические случайности, которые благоприятствуют вхождению в литературную норму определенных диалектов, отношения власти между политическими и культурными центрами, гео- и демографическое распределение лингвистических черт и пр.); они могут основываться даже на устаревших и/или ложных теориях; с социальной точки зрения лингвистическая институционализация является выражением классовой экспансии, направленной либо внутрь, против подчиненных слоев и/или конкурирующих классов, либо вовне в *ирредентистском* стиле (или в обе стороны). Стандартизация и нормализация главным образом предвосхищают будущее общество, и эти усилия не могут не быть сверхдетерминированными определенной идеологией, т.е. определенными классовыми интересами. При помощи института национального языка воображаемое сообщество и изобретенный язык легитимизируют друг друга — в тем большей степени, чем они менее легитимны сами по себе.

Четверостишие из сонета поэта-романтика Франце Прешерна (считается, что он сыграл решающую роль в образовании словенской нации) может послужить дополнительной иллюстрацией

нашей точки зрения. Поскольку эта лирика проповедует идеологию, которая может показаться неподходящей для пробуждения энтузиазма всеобщего братания, она, тем не менее, со всей очевидностью демонстрирует, что «конституирование национальной идентичности» является *формальной процедурой*, лишь случайным образом связанной с «содержанием», служащим в качестве алиби¹².

Жизнь [есть] тюрьма. Время — жестокий палач,
Тревога — его вечно молодая невеста,
Страдание и отчаяние — его верные слуги,
И сожаление — не знающий усталости тюремщик.
(Франце Прешерн)

После главного сравнения «жизнь – тюрьма» идет ряд экспликаций в форме *parallelismus membrorum* подчиненных сравнений. Горизонтальные метафорические пары вертикально соединяются метонимической связью так, что каждый метафорический элемент («палач, невеста палача, его слуги, тюремщик») является метонимией мета-метафорической «тюрьмы», а каждый «буквальный» элемент представлен как метонимия «жизни». Синтагматическое соединение лингвистических элементов, «метонимическая» ось языка в соответствии с теорией Якобсона [17], поэтически структурирована в терминах метафоры — в то время как парадигматическая чередование элементов, «метафорическая» ось по Якобсону, поэтически организована в терминах метонимии. Обратная симметрия между «первичным» лингвистическим процессом и «вторичной» поэтической обработкой дает четверостишию особенно плотно связанную структуру. Риторическое преимущество этой процедуры очевидно: адресат не может не принять на уровне своей *естественной лингвистической компетенции*, что «тюрьма, палач, тюремщик» и прочее «естественным образом связаны» и, благодаря плотной организации лингвистических элементов, это приводит к предположению, что их «буквальные» двойники («жизнь, тревога, страдание, отчаяние, сожаление») также подходят друг другу. Метафора интерпретируется *обратным порядком*: буквальное значение принимается (по крайней мере, как «поэтическое» послание), потому что метафорическое значение «передается само по себе», а метафоры собираются вместе, так как «естественная» компетенция в (национальном) языке подсказывает читателю, что так и должно быть. Таким путем конституируется *субъект национального языка*: «тезис» сонета принимается, по крайней мере,

как предмет для серьезного обдумывания, потому что он был признан как *возможное* отношение к жизни, и он мог быть «признан» только потому, что был *понят* на уровне метафоры, что является уровнем естественного, т.е. национального, языка. Поэтический процесс иллюстрирует то, как действует *национальный язык*: он является хранилищем всех возможных семантических черт, матрицей, в которую могут быть вписаны все возможные верования. Национальный язык функционирует как матрица взаимопереводимости всех возможных идеологий¹³.

Данный анализ показывает, что «национальная идентификация» протекает как идентификация с компетентным субъектом национального языка. Это *еще не* идеологическая интерпелляция: это институциональная поддержка любой возможной идеологической интерпелляции. Как таковая, она порождает для адресата необходимость подчиниться *какой-либо* идеологической интерпелляции: принимая или отрицая данный «тезис», он делает это, *будучи интерпеллированным той или иной идеологией*. «Национальная идентичность» является, таким образом, подлинно террористическим институтом. Жизнь внутри нации действительно является жизнью в тюрьме; национальный язык приговаривает говорящего на нем на постоянное участие в борьбе идеологий.

Более того, хотя национальный язык представляет себя «нейтральным» посредником, он неизбежно дает некоторым идеологиям преимущество по сравнению с другими. Будучи проекцией «общества» (ожидаемого или «реального», но всегда «воображаемого») на вечное и возвышенное царство символического, он санкционирует определенные классовые отношения (ожидаемые или «реальные», но всегда построенные на угнетении). В сложных обществах с индивидуалистическим устройством национальный язык как «способ функционирования» национального нулевого института является исторически наиболее распространенной формой социальной интеграции-тотализации.

Описание способа, с помощью которого национальный нулевой институт обеспечивает такой эффект, как «Общество», можно обобщить следующим образом:

1. Национальный нулевой институт является формальным и псевдонейтральным механизмом социальной интеграции, который может функционировать, только если он сверхдетерминирован конкретной идеологией из набора идеологий, которые он и должен «интегрировать».

2. Поэтому в национально организованных обществах ведется постоянная идеологическая борьба за то, какая конкретная идеология должна сверхдетерминировать формальный механизм национальной интеграции. Идеология, которой (временно) удастся занять положение сверхдетерминации, становится идеологией-гегемоном конкретного национально конституированного общества.

3. «Национальная идентичность» является способом, с помощью которого индивид определяет себя в отношении национального нулевого института. Это также институциональная основа для взаимного признания индивидуальных коммуникантов. Условная идентификация с субъектом, предположительно верящим (СПВ), таким образом, институционально опосредована «национальной идентичностью» (там, где существует национальный язык, этот институт усваивается компетентными носителями национального языка), что лишает идентификацию с СПВ значительной части ее условности.

Либерализм, национализм, расизм: три «нео-»?

Существует действительная теоретическая трудность в различении идеологии нации и национализма. Некоторые теоретики открыто отказываются их различать. Для Эрнеста Геллнера [12] национализм является идеологией, которая поддерживает нацию как социополитическую структуру. Те, кто пытается сохранить нацию для либеральной ортодоксии, считают это проблемой «степени» и проводят линию между национализмом как истинной идеологией либерального национального государства и более крайними, или «дегенеративными», его формами при помощи различных префиксов, чаще всего обозначая последний как *этно*-национализм. И те теоретики, которые указывают на преемственность между национальным строительством и различными формами экстремизма, и те, кто выступает за отсутствие связи между ними, понимают свои, различные во всех других отношениях, подходы, в терминах сверхдетерминации, даже если они, как правило, не используют этого выражения. Для Геллнера национализм может быть сведен к формуле «одна Культура — одно Государство; одно Государство — одна Культура»; поскольку один термин всегда исторически предшествует другому, конструирование недостающей части опирается на те средства, которые предложены уже существующим членом пары. Таким образом, историческое строительство нации неизбежно сверхдетерминировано; но специфика национального

государства в модели Геллнера заключается в том, что государство сверхдетерминировано культурой (тема, которую он подробно исследует), тогда как его «культура» образуется из государственнической перспективы (тема, которой он уделял меньше внимания из-за отсутствия понятий «господствующая культура», «гегемония» и подобных им). На более благосклонный взгляд поворотный пункт появляется тогда, когда идея нации сверхдетерминирована этническими, расовыми или подобными им компонентами.

Мы уже отмечали, что в любой данный исторический момент национальное строительство общества должно быть сверхдетерминировано определенной идеологией¹⁴. Поскольку построение нации в любой определенный момент поддерживается *определенной* идеологией и поскольку оно, с другой стороны, должно решать задачу «тотализации» особым, инклюзивным типом нулевого института, государственническая и культурная половины национальной конструкции на самом деле никогда не могут совпасть¹⁵.

Общества, организованные как нации, всегда являются классовыми¹⁶. Именно по этой причине они представляют собой сложные культурные агломераты. Из этих тривиальных посылок следуют чрезвычайно важные выводы. Поскольку устройство национального государства идеологически истолковывается как культурная конструкция, классовые противоречия структурно вытесняются по линии культурных различий; по той же самой причине и классовые противоречия, и культурные различия структурно сгущаются по линии единственного различия, понимаемого в *терминах культурных различий*. Из-за этой логики смещения и сгущения, *Verschiebung* и *Verdichtung*, «культурный расизм» или дифференциалистский расизм или то, что Балибар называет неорасизмом, оказывается *внутренне присущим национально сконструированному обществу*¹⁷.

Предполагается, что индивиды, которые оказываются вне этого разделения, внутренне присущего обществу, *неспособны к идентификации с особым для национального нулевого института СПВ*. Поскольку национальный СПВ характеризуется не какими-то приписанными конкретными верованиями, а хранилищем семантических свойств и синтаксических правил, способных породить любое возможное верование, то те, кто исключен большим культурным разделением, считаются неспособными подняться до всеобщего национального СПВ *именно по причине их куль-*

турных особенностей. Политика признания¹⁸ идет рука об руку с практикой сегрегации.

По этим самым причинам у нас нет необходимости исправлять наше начальное определение национального нулевого института как эксклюзивного в гомогенном измерении и инклюзивного в гетерогенном измерении. Нам нужно лишь думать о нем как о *смещенном относительно социального тела, которое он определяет*. Таким образом, национальный нулевой институт очерчивает внутреннюю разделительную линию в «обществе», которое он организует. Внутреннее («расистское» или неорасистское) исключение, производимое национальным нулевым институтом, успешно функционирует внутри гомогенного измерения и в соответствии с его логикой, потому что индивиды, которых оно исключает, должны быть либо другой национальности («национальные» меньшинства), либо другого гражданства (иммигранты, которые часто являются и/или которых вынуждают быть людьми другой «национальности»). Внутри национального государства всегда существуют граждане, относящиеся к другой национальности; за его пределами всегда есть люди той же национальности, но не являющиеся гражданами; наконец, что всего важнее, в национальном государстве всегда есть индивиды, которые и не относятся к данной национальности, и не являются гражданами.

Поэтому историческая невозможность реализовать национальный проект и заставить государство совпасть с (национальной) культурой является не случайностью, обусловленной эмпирическими превратностями международной политики, геополитическими играми мировых держав и пр., а структурной необходимостью. *Национальный проект существует не для того, чтобы его реализовать*. Именно благодаря нереализации он производит структурные эффекты и воспроизводит «национальное» общество. Бесконечная задача его осуществления является режимом воспроизводства национально организованных обществ.

Мы также настаиваем на том, что национальный нулевой институт является инклюзивным в гетерогенном измерении. Мы должны только усилить понятие гетерогенности: оно применимо не только к социальным институтам, оно должно быть усилено настолько, чтобы относиться к разным социальным подразделениям, оппозициям, антагонизмам и, прежде всего, к самой классовой борьбе. Благодаря структурному действию включения (никогда не завершенному, всегда временному, срезающему выступающие края неинтегри-

руемого и т.д.) все неинтегрированные «остатки» отвергаются на основании культурного разделения, а затем структурно интерпретируются как исключенные в гомогенном измерении (люди другой национальности, неграждане, и те, и другие).

Структурные напряжения, которые смещаются и ступают внутри неорасистского культурного разделения, функционируют на индивидуальном уровне посредством определенного типа *идеологической интерпелляции, которая проходит через индивидуальный фантазм и принимает вид бессознательной петли*. От других форм интерпелляции на индивидуальном уровне расистскую идеологическую интерпелляцию отличает эффект механизмов социального структурирования. Точно так же, как социально «внутреннее» расовое разделение начинается со структурной невозможности того, что социальное устройство может зависеть только от своих внешних рубежей, специфика расистской интерпелляции начинается с невозможности того, что индивид может обладать одной и только одной идентичностью. В рамках либеральной иллюзии абстрактные индивиды не должны полагаться на взаимное признание и даже на признание самих себя: в идеальном случае они признают друг друга и самих себя по одному только свойству их абстрактной индивидуальности, по определяющему свойству принадлежности к одному и тому же национальному сообществу. В пределах нации минимальная идентификация, необходимая для коммуникации (и в соответствии с либеральной политической ортодоксией единственно доступная), проходит через национального СПВ. В результате этого идентификация и коммуникация, которые он делает возможными, *функционируют посредством отсылки к внешней границе коммуникативного сообщества*. Лингвистическая стандартизация, массовое образование и действие других идеологических государственных аппаратов, воспроизводящих национальную конструкцию при господстве определенной идеологии, постоянно производят какие-то остатки, которые не могут быть интегрированы в ходе этих гомогенизирующих действий. Аналогичным образом повседневная коммуникация пробивает себе дорогу через локальные срывы, неудачи идентификации и пр. Политическая идеология освобождения, «империалистически» спроецированная на социальную ткань, производит эффекты господства, которыми она не способна управлять даже «политически». Таким образом, либеральная идеология оказывается несостоятельной внутри своей собственной политиче-

ской области, потому что она неизбежно распространяется и на другие области.

Возможно, будет излишним напоминать прощательную мысль Маркса о том, что юридическое освобождение рабочей силы и экономическая фикция «эквивалентного обмена» являются *основными условиями капиталистической эксплуатации*. Тем не менее, пока политический лозунг *liberté* (свобода) преобразуется в *égalité* (равенство) в социально-экономической области, он вводит принцип, который как раз и не может быть реализован. Если либеральная политическая идеология должна стать базисом капиталистической эксплуатации (а чем еще она может быть?), она *должна распространяться на социально-экономическую область*; внутри этой области она не может быть ничем кроме «лжи», и она с необходимостью вызывает усиление классовой борьбы, потому что с этого момента эксплуатируемые классы обладают идеологическим элементом, который позволяет им осознать себя *в качестве эксплуатируемых*, т.е. элементом, который заставляет их пройти путь от классов *an sich* (в себе) к классам *für sich* (для себя). Чтобы заблокировать это развитие, *fraternité* (братство) становится необходимым *идеологическим дополнением* к двум начальным — политическому и социально-экономическому лозунгам. Это значит, что формирование национального братства является самым важным инструментом в классовой борьбе правящих классов при капитализме либерального толка¹⁹.

Идеологическая классовая борьба правящих классов при либеральном капитализме пытается навязать «национальную идентичность» как единственную опору социальной коммуникации. Эта попытка неизбежно проваливается в классовом обществе, где индивиды и в самих себе, и в своих партнерах [по коммуникации] обнаруживают идентичности, находящиеся в противоречии. Это означает усиление классовой борьбы: если ведущей либеральной идеологии удастся обеспечить свое господство, это ведет к трансформации ее в национальную идеологию, одну из форм расистской идеологии. («Неорасизм» Балибара является составляющей национализма; а «расизм» — всего лишь исторически особая форма «неорасизма», которая оказывается сейчас гораздо более архаичной, чем предполагает ее название.) *Между либерализмом и расизмом имеется преемственность*; в условиях усиления классовой борьбы, которую либеральная идеология и производит, она обречена на провал. Поскольку либеральная идеология, куда смещаются

и где сгущаются структурные противоречия и индивидуальные коммуникативные неудачи, — это и есть расовое социальное разделение. Чем больше структурное бремя ложится на либеральные иллюзии включения, тем сильнее будет идеологическое обращение к линии исключения, и тем жесточеннее становятся практики исключения²⁰.

Этьен Балибар предполагает, что неорасизм — это обобщенный антисемитизм. Антисемитизм подвергался анализу как основывающийся на фантазме избытка наслаждения (*plus-de-jouir*), приписанного другому [45]. Из нашего обсуждения следует, что неорасизм есть обобщенный антисемитизм в том смысле, что он действует через идеологическую интерпелляцию, приводящую в движение индивидуальные фантазмы. Фантазмы обладают уникальным свойством функционировать идиосинкратически и стереотипно одновременно. Вот почему они становятся в определенных социальных структурах (среди которых выделяется национальная конструкция) привилегированным способом «социализации» индивидов и фундаментальной структурной формой для производства эффекта «Общества»²¹.

Давайте вкратце рассмотрим особенную неорасистскую, или «культурно-дифференциалистскую», интерпелляцию.

(6) Словения не на Балканах²²

Это не является ответом на вопрос «Где?»: потому что в данном случае он вряд ли бы требовал повторения, будучи однажды поставленным. Формально аналогичное выражение

(6') Бонн не на реке Майн

равнозначно не более чем трюизму. Но можно себе представить, что выражение

(6'') Германия не на Балканах

могло бы иметь смысл в определенных ситуациях и на фоне определенных верований. Выражения (6), (6'') и подобные им отвечают на подразумеваемый вопрос «Что?»: они воздерживаются от уточнения, чем же *является* Словения (и пр.), и полагают, что это можно вывести из определения того, чем она *не является*²³. (6), (6'), (6'') и подобные им являются *выражениями знания*: различие между (6') и (6) или (6'') заключается в том, что (6') не сообщает, *где* находится Бонн, в то время как (6) и (6'') претендуют на то, что сообщают, *что* является их предметом. Эта претензия была бы напрасной, если бы не подкреплялась допущением, что и говорящий, и слушающий *знают, что такое* «Бал-

каны». К тому же риторическое принуждение (или «разговорная импликатура») навязывает допущение, что подобное знание является достаточно сильным для обоснования трудного в других случаях вывода из «чем X не является» того, «чем X является». Это опять же становится возможным благодаря способу, которым *имя* функционирует в выражении (6) (совершенно не по Фреге): оно функционирует как референтное выражение, имеющее значение²⁴. Выражение

(6^{'''}) Словения не на Камчатке

окажется такой же тривиальностью, как и (6'), если бы оно было предназначено для сообщения того, что Словения находится в «Европе», в данном случае и явно выраженная «Камчатка», и подразумеваемая «Европа» будут функционировать нереперентным образом [см.: 31].

Таким образом (6) является выражением явного знания, *влекущим* за собой подразумеваемое знание: то, что оно выражает на подразумеваемом уровне, маркировано оператором *отрицания* (*Verneinung*) в явном высказывании («не») и имеет статус «обоснованного верования, предположительно являющегося истинным»²⁵. Маркировка отрицания функционирует здесь таким же образом, каким отрицание действует в бессознательном: оно не «вытесняет» отрицаемый терм или его содержание, но усиливает их; или, лучше сказать: исключая, вытесняя отрицаемый терм, оно дает ему возможность функционировать в бессознательном. Это равнозначно признанию его «истинным». Парадоксальным эффектом высказываний типа (6) является установление в качестве элементов бессознательного и (6), и противоположного ему: после этого бессознательное содержит и «обоснованное верование, предположительно являющееся истинным», и маркированное «не» выражение (смысл которого в том, что «Словения находится в Европе») — и содержание, вытесненное в бессознательное отрицанием (смысл которого в том, что «Словения находится на Балканах»). Это тот самый неорасистский эффект, поскольку здесь ставится бесконечная задача различения двух содержаний — подтверждение истинности одного и ложности другого. Задача может быть иногда решена в форме удаления «элементов», препятствующих ее выполнению²⁶.

Двумя отличительными чертами выражений типа (6) являются следующие: они обращаются не к СПВ, а к субъекту, предположительно знающему; их интерпелляция проходит через петлю бессознательного. Они имеют возможность прокла-

дывать путь через петлю бессознательного, потому что проходят через фантазм; это фантазм о другом, обычно о наслаждении Другого²⁷. Расистская интерпелляция вращается вокруг фантазматического знания о наслаждении Другого (*phantasme du savoir sur la jouissance de l'Autre*): она завершает идентификацию интерпеллируемого с субъектом, предположительно знающим. Поскольку знание приписано Большому Другому Лакана, расизм является попыткой идентификации со знанием Другого; как показывает Сибони, это знание является амбивалентным и одновременно знанием *о* (наслаждении Другого) Другом (выражение, понятое как *genitivus obiectivus*) и знании Другого (о наслаждении) (*genitivus subiectivus*). Большое расовое разделение является постоянно срывающейся попыткой провести черту между ними, постоянно повторяемое различие между понятными «нами», подцепленными просвещенным Другим («Мы знаем об их грязных удовольствиях»), и демоническим всезнающим Другим («Они манипулируют нами, соблазняя наших женщин, развращая наших детей; они знают, как тебя использовать»).

Так становится возможным объяснить причины «колонизированного сознания»:

(7) Я благодарю министра за приезд на наши мрачные Балканы

(Доктор Франьо Туджман, президент Хорватии, на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Франции Аленом Жюппе 10 февраля 1994 г.)

Президент не только «интериоризировал» господствующий идеологический «европейский» образ Другого (в данном случае своей страны и свой собственный)²⁸ — он, помимо всего прочего, сообщает, что знает, что такое «Европа»; но, кроме того, из его слов следует, что дополнительным его преимуществом и преимуществом его страны является то, что они *тоже* знают, на основании результатов аутопсии, какими являются Балканы: мрачными. Это *antemurale Christianitatis*, стародавнее «неорасистское» клише, которое высказывается президентским ртом²⁹.

Примечания

¹ Теория идеологии, понимаемая как теория интерпретации, более детально рассматривается в наших работах [10, 12].

² Примеры конкретных исследований, в том или ином виде относящихся к представленной здесь теории, см. в работах [11, 13, 14].

³ Таким путем мы пытаемся предложить антропо-

логической теории то, чего ей давно недостает: это определение социальной структуры, в которое был бы вписан субъект [см. также: 24]. Определение социальной структуры не может игнорировать идеологическое посредничество при воспроизводстве социальных отношений. В некотором отношении такое определение должно принимать во внимание «субъективное» идеологическое восприятие, посредством которого социальная организация «переживается» ее членами. Это позволяет поставить настоящую проблему: как может выжить общество, где идеологические представления отличаются и/или вступают в конфликт? Как может такое общество — и все классовые общества подобного рода — производить эффект «социального целого»?

⁴Представители аналитической философии не сходятся во взглядах на вопрос о «концептуальных схемах»: Куайн [42] полагал, что концептуальные схемы (определенные языком наборы предикатов с радикально различными экстенсиями) могут привести к невозможности перевода; Дональд Дэвидсон [7, 8] утверждает, что концептуальные схемы являются «разделяемыми, тривиальными и истинными». Большинство антропологов верит в концептуальные схемы; на этом предположении основывается вся доктрина культурного релятивизма. Наша позиция близка к позиции Хилари Патнэма [41]: концептуальные схемы существуют, потому что «реальность» может быть постигаема различными способами. По той же самой причине концептуальные схемы могут переводиться с одной на другую. Мы не думаем, что концептуальные схемы могут быть легко взаимопереводимы, потому что не верим, что «реальность существует». Тем не менее, препятствий для понимания обычно нет, потому что в каждом обществе всегда существует некоторая «тривиальная и разделяемая» (хотя и только условно «истинная») схема взаимной переводимости (тот самый «нулевой институт»). Пример различных «концептуальных схем», не затрудняющих взаимопонимание: в английском языке «teen-age» определяет группу молодых людей между 13 и 19 годами (включительно); в группе славянских языков «najstnik» обозначает группу между 11 и 19; это не означает, что славянская молодежь раньше входит в пору полового созревания или что обе эти «культурные» группы отстают от романской молодежи, у которой возраст «-decim» располагается в диапазоне между 11 и 17 годами.

Межкультурный перевод может представлять большую трудность. Например, понятие «стихотворение» в устных культурах разительно отличается от понятия «стихотворение» в письменных культурах: в устной культуре «одно и то же» стихотворение, рассказанное разными сказителями, может отличаться несколькими сотнями строк, не говоря уже о деталях композиции. Особенно сложный случай — это обще-

ства, сочетающие письменную и устную культуру. Эпос южных славян и парадигма «устной поэзии» в романтизме даже для Милмэна Пэрри принадлежат к подобным культурам [см., напр.: 15].

⁵Это может напомнить аргумент типа «Если бы я был лошадь» (Макс Глюкман [14] отмечает, что впервые это выражение употребил Радклифф-Браун в разговоре с ним. Оно относилось к фермеру, который хотел поймать убежавшую лошадь, пытаясь догадаться, куда она могла скрыться, при помощи «симпатической интроспекции»: «Если бы я был лошадь, куда бы я пошел?») Эта фраза стала частью антропологического жаргона, особенно для описания действий первых антропологов, например сэра Джеймса Фрэнзера). Мы используем его как объяснительный инструмент, представляющий «трансцендентальные условия возможности» коммуникации в структурированных (не обязательно даже сложных) обществах.

⁶Наше описание весьма схематично и требует большей гибкости и тонкости. Макс Глюкман [14, с. 90] привлекает внимание к «перекрестным связям» и «разделенным зависимостям»: «общества и более мелкие социальные группы интегрируются... [благодаря] сложной сети социальных связей, основанных на довольно разных принципах, поэтому люди могут находиться в оппозиции друг другу при одном режиме и быть союзниками при другом» [14, с. 110, 107]. В «статусных» обществах широко распространена сегментация: в конкретной ситуации, подразумевающей два различных способа сегментации, любой «третий» способ дифференциации может выполнять роль нулевого института. Обсуждавшаяся выше теория определяет критерии для подобной *ad hoc* селекции: 1) третий институт должен относиться к обеим сегментациям (он должен «пересекать» их так, чтобы сделать возможным их взаимное определение); 2) он должен давать возможность индивиду рефлексивно определять свою позицию в формируемой таким образом сети отношений (это обеспечивает «идентификацию» индивида, поскольку в дуально структурированной ситуации он определяется одновременным членством в двух различных сегментах, конституированных двумя гетерогенными критериями). Проиллюстрируем эту точку зрения примером, где «нулевой институт» вмещивается таким образом, который существенно отличается от жестких ограничений нашего графического представления. В «Элементарных структурах родства» [20, с. 159] Леви-Строс определяет «два способа определения супруга, а именно, метод классов и метод отношений». Хотя он и заявляет, что они «никогда точно не соответствуют друг другу», так что «даже в самой простой системе... индивидуальные отношения всегда должны приниматься во внимание», он затем устанавливает некоторого рода обратную симметрию между двумя

методами — отношения кровного родства, выражающие «позитивный аспект» выбора супруга, а класс — «негативный аспект». В противоположность интерпретации Леви-Строса, мы полагаем, что два метода принадлежат к двум различным перспективам и противопоставлены как *социальная и индивидуальная* «точки зрения». Это не симметричная оппозиция. В данном случае Леви-Строс не в полной мере использует то, что в австралийском типе, который он берет в качестве парадигматического примера, «метод класса» (который выступает как «социальная перспектива») *сам обычно основывается на дуальной сегментации общества* на группы по материнской и отцовской линиям родства. Дуальный принцип организации ставит типичную проблему, решение которой требует введения третьей сегментации, т.е. нулевого института. Тем не менее, нулевому институту нет нужды осуществлять вмешательство как таковому, так как его роль предполагается по выраженному в родственных терминах «правилу», смысл которого в том, что индивиду надлежит обязательно/предпочтительно жениться на дочери брата матери (4-сегментная система, тип Кариера) или на дочери брата матери ее матери (8-сегментная система, тип Аранда). «Правило» может исполнять роль нулевого института, потому что содержит отсылку к эго; оно также относится к «двум другим сегментациям» и может, по крайней мере, в общих чертах, быть выражено в их терминах. Обычно коммуникация между двумя различными концептуальными схемами начинается: 1) с эго-относительности концептуальной схемы; 2) отсылки к схеме другого. Это значит, что собственная схема должна быть доступна эго из его позиции в этой схеме; позиция другого должна быть доступна через схему другого. Это возможно в «статусных» обществах, где концептуальные схемы «объективируются» в социальной сегментации. В индивидуалистических обществах эти два условия могут выполняться лишь частично: 1) эго-относительность обеспечивается абстрактным указанием на принадлежность индивида (национальной) коллективности, но такое указание не учитывает специфическую «концептуальную схему» индивида (идеологию); 2) схемы «другого» доступны лишь абстрактно как *sub specie* общей матрицы, порождающей «все возможные» идеологии — т.е. благодаря «национальному» языку — которому так же не удается определить особенность позиции другого. В обществах, конституированных нацией (т.е. в индивидуалистических обществах с национальным нулевым институтом), собственная позиция индивида доступна через матрицу национального языка, которая в то же самое время, является единственным указанием на концептуальную схему другого, но любое возможное указание на схему другого проходит через опознание позиции другого как

члена того же самого национального объединения. *В национально конституированных обществах коммуникативная идентификация с субъектом, предположительно верящим (СПВ), опосредуется «национальной идентичностью», абстрактным указанием на «социальное положение» коммуникантов и матрицу, порождающую их концептуальные схемы.* Это не могло бы быть достаточной основой для коммуникации, если бы «национальная идентичность» не была уже сверхдетерминирована какой-то определенной идеологией: идеологическая гегемония является, таким образом, абсолютным условием коммуникации (т.е. социальной интеграции) в национальных обществах. Отсюда следует, что возможные позиции, основанные на верованиях, могут оказаться гораздо более конфликтными и/или проблематичными, чем это было бы без такого посредничества. Это парадоксальное следствие взаимного признания коммуникантов в терминах «идентичности». Единственный институт, с которого может начаться коммуникация, является также и основным препятствием для коммуникации, а также источником ее конфликтной природы. Общее утверждение Альтюссера, что в классовых обществах эффект Общества в конечном счете является результатом классовой борьбы, особенно отчетливо подтверждается этим особым случаем идеологических отношений в национально конституированных обществах.

⁷ Похоже после Фредерика Барта среди исследователей наций и национального самоопределения установился консенсус по поводу первостепенной важности «границы» [см.: 5].

⁸ «[E]ine blosse Illusion, aber eine notwedige Illusion» («Только иллюзия, но необходимая иллюзия». — *Прим. переводчика*) [см.: 26].

⁹ «Гражданское общество» было важным политическим лозунгом в борьбе за демократию в Восточной Европе. Тем не менее, его важность определялась *теоретической слабостью* оппозиционных движений при «реальном социализме». Там же, где существовала более сильная теоретическая основа для политической борьбы, «гражданское общество» функционировало почти исключительно как объединяющий лозунг. Неудивительно, что впоследствии он был возрожден самыми реакционными националистическими силами. Следует отметить, что слабость фашизма при посткоммунизме пропорциональна силе теории при коммунизме: в настоящее время посткоммунистические антикоммунистические охотники за привидениями нацелены в первую очередь на теоретическую продукцию. Критический обзор того, как идеология «гражданского общества» замалчивает, и в действительности вытесняет большую часть теоретических размышлений о *проблематике* гражданского общества [см.: 37].

¹⁰ Во время референдума «автономия и незави-

симось» могло означать что угодно от «асимметричной» федерации, конфедерации до отделения. Предложение одной из оппозиционных партий перечислить все возможные варианты было отвергнуто парламентом.

¹¹ Мы опираемся на принятое различие *предложения* — правильно сформированной цепочки в данном языке — и *высказывания* — исторической реализации предложения в конкретной речевой ситуации. Предложение имеет возможность порождать значение, будучи высказанным; только высказывание имеет значение.

¹² Мы даем дословный перевод первых четырех строк сонета, написанного в 1835 (?) г. Более детальный анализ этого и некоторых других сонетов Прешерна [см.: 29].

¹³ Более подробное рассмотрение этого вопроса [см.: 30].

¹⁴ Из изложения Парты Чатерджи [6] следует, что определенная идеология и оппозиционная ей идеология могут находить основания в «одном и том же» национальном дискурсе. Аналогичным образом, хотя историческое развитие различных типов национализма вводит важные идеологические трансформации, каждая последующая «фаза» способна, тем не менее, обосновывать себя в терминах «преемственности» с предыдущими фазами. См.: [16], особенно о сдвигах влево и вправо, и наоборот, сверхдетерминированными особыми историческими обстоятельствами. См. также работу Ахмада [1] и его критику интерпретации Грамши, которую предлагает Чатерджи [2].

¹⁵ Может показаться, что они действительно совпадают в особые моменты всеобщего энтузиазма и братания. Однако именно в эти моменты, в моменты революций, они особенно явно не совпадают. Молодой Маркс тонко подметил диалектику революционного момента: *allgemeine Fraternisierung*, с одной стороны, поддерживается конституированием одной части общества в *allgemeine Repräsentant* (в случае Французской революции, которую рассматривает Маркс — основным представителем общества «как целого» является буржуазия), с другой стороны, низводит другую часть общества (в данном случае аристократию), превращая ее в негативного представителя всего общественного зла. («Keine Klasse des burgerlichen Gesellschaft kann dies Rolle spielen, ohne ein Moment des Enthusiasmus in sich und in der Masse hervorzurufen, ein Moment, worin sie mit der Gesellschaft im allgemeinen fraternisiert und zusammen fließt, mit ihr verwechselt und als deren allgemeine Repräsentant empfunden und anerkannt wird...» [27]. — «Ни один класс гражданского общества не может сыграть эту роль, не возбудив на мгновение энтузиазма в себе и в массах. Это — тот момент, когда данный класс братается и сливается

со всем обществом, когда его смешивают с обществом, воспринимают и признают в качестве его всеобщего представителя...»).

¹⁶ Вот почему они организуются как нации. Ср. слова Этьена Балибара: «В конечном счете конституирование национальных государств объясняется конкретными конфигурациями классовой борьбы, а не “чисто” экономической логикой...» [см.: 3]. Мы можем добавить: и не какой-либо предполагаемой «глобальной социальной» логикой.

¹⁷ По поводу «дифференциалистского расизма» [см.: 3, с. 33]. О «неорасизме» см. [4].

¹⁸ Проницательное изложение парадоксов «признания» дано в работе [47]; по поводу парадокса «универсализма» см. [3].

¹⁹ Нам следует переосмыслить замечание Маркса (в конце четвертой главы — 3, второй раздел, книга первая «Капитала») о том, что сфера денежного обращения при обмене предметами потребления, внутри которой имеет место покупка и продажа рабочей силы, *является земным раем для прав человека*. Маркс продолжает: «В его пределах правят только свобода, равенство, собственность и Бентам». Этот раздел следовало бы сделать обязательным чтением как для активистов, борющихся за права человека, так и восточно-европейских борцов за «реальный социализм» вообще. Но см. также [4].

²⁰ Неудивительно, что приход либеральной демократии в страны бывшего «реального социализма» во время сложных структурных напряженностей произвел в качестве своего непосредственного эффекта их конституирование в виде «наций»; и что, когда это стало очевидным и действительно «ощутимым», либеральная демократия означала не более чем установление новых отношений господства и эксплуатации, и они начали стремительно развиваться в сторону расистского устройства с фашизоидными элементами.

²¹ К антисемитизму нам следует добавить различные формы *ориентализма* (ср. [44]) и, что особенно важно для устройства современной Европы, *анти-исламизма*.

²² Мы берем «мягкий» и широко распространенный пример. Едва ли существовала публичная фигура, которая, осознавая свою важность (политики, популярные «актеры», «интеллектуалы»), отказала бы себе в удовольствии произнести это высказывание по тому или иному поводу, включая Жириновского во время его визита в Словению 30 января 1994 г.; у него есть дар говорить именно то, что аудитория желает услышать.

²³ Важность определения границ в национальной идеологии признается одной из наиболее важных черт после Барта.

²⁴ Более сильная теория, подобная той, что разработана Солом Крипке [18], могла бы объяснить

различие между «Балканами» в (х) и «Балканами» в географическом дискурсе, но не путаницу, частично ответственную за то, как это выражение функционирует в (х). Если бы при определенном гипотетическом допущении палеонтологи обнаружили окаменелый скелет «единорога», это не будет тот самый единорог из мифа (пример Крипке); если географу понадобилось бы провести границу между Балканами и остальной Европой, это не сделало бы (х) избыточным: оно либо стало бы возможным дополнительным аргументом, либо сделало бы эту дополнительную аргументацию необходимой.

²⁵ Подтверждение работает при его отсутствии: оно «самоочевидно». Оно может быть легко представлено по запросу, в этом случае (х), скорее всего, будет кратким протазисом откровенно расистского дискурса.

²⁶ В декабре 1993 г. Палата представителей Словении приняла закон, сегрегирующий граждан по этническому признаку; закон был впоследствии аннулирован Государственным советом. Несколько партий (в общей сложности 10 % от всех членов Палаты представителей) сейчас борются за проведение референдума об изменении закона о гражданстве.

²⁷ Мы не будем развивать эту тему здесь; она была полно и ясно разработана Даниэлем Сибони [45]. См. также многие другие тексты этого автора.

²⁸ Как предполагает Эдвард Саид [44].

²⁹ Другим примером превратностей расизма является стандартный аргумент об открытости в сторону Юго-востока, предлагаемый словенскими политиками неизоляционистского толка (за что они претерпевают нападки со стороны националистов за «проюгославскую» позицию): «Мы знаем их лучше, чем Европу».

Список литературы / References

1. *Ahmad A.* In Theory: Classes, Nations, Literatures. London: Verso, 1993. 358 p.
2. *Ahmad A.* Fascism and National Culture. Reading Gramsci in the Days of Hindutva // *Social Scientist*. 1993. Vol. 21, № 3–4, March–April. P. 32–68.
3. *Balibar E., Wallerstein L.* Race, nation, classe. Les indentites ambiguës. Paris: La Decouverte, 1988. 307 p.
4. *Balibar E.* Les frontieres de la democratie. Paris: La Decouverte, 1992. 267 s.
5. *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference. London, 1998. 153 p.
6. *Chatterjee P.* Nationalist Thought and the Colonial World. A Derivative Discourse? London: Zed Books for the United Nations University, 1993. 181 p.
7. *Davidson D.* On the Very Idea of a Conceptual Scheme // *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 183–198.
8. *Davidson D.* *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford: Clarendon Press, 2001. 296 p.
9. *Douglas M.* *How Institutions Think*. London: Routledge & Kegan Paul, 1987. 146 p.
10. *Ducrot O.* *Le dire et le dit*. Paris: Minuit, 1984. 237 p.
11. *Evans-Pritchard E.* *Magic, Witchcraft and Oracles among the Azande*. Oxford: Oxford University Press, 1937. 558 p.
12. *Gellner E.* *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 150 p.
13. *Gettier E.L.* Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23. P. 121–123.
14. *Gluckman M.* *Politics, Law and Ritual in Tribal Society*. Oxford: Basil Blackwell, 1965.
15. *Goody J.* *The Interface between the Written and the Oral*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 331 p.
16. *Hobsbawm E.J.* *Nations and Nationalism Since 1780. Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 209 p.
17. *Jakobson R.* *Linguistics and Poetics* // Thomas A. Sebeok, ed., *Style in Language*. New York; London: MIT Press and John Wiley and Sons, 1960. P. 350–377.
18. *Kripke S.* *Naming and Necessity*, Oxford: Blackwell, 1972. 172 p.
19. *Lacan J.* Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse // *Seminaire XI*. Seuil; Paris, 1973. 255 s.
20. *Levi-Strauss C.* *Les structures elementaires de parente*, Presses Universitaires de France, Paris, 1949. 632 s.
21. *Levi-Strauss C.* *Tristes tropiques*. Paris: Plon, 1955. 513 s.
22. *Levi-Strauss C.* *Le sorcier et sa magie* // *Antropologie structurale I*. Paris: Plon, 1958. S. 205–226.
23. *Levi-Strauss C.* Les organisations dualistes existentielles? // *Antropologie structurale I*. Paris: Plon, 1958. S. 147–180.
24. *Levi-Strauss C.* *Le totemisme aujourd’hui*. Paris: Press Universitaires de France, 1962. 154 s.
25. *Mannoni O.* *Clefs pour l’imaginaire*. Seuil; Paris, 1969. 321 p.
26. *Marx K.* *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie [1857–1858] / Marx-Engels-Lenin Institute*. Moscow, 1939–1941.
27. *Marx K.* *Zur Kritik der hegelschen Rechtsphilosophie (1843, 1927), Einleitung* // *Marks-Engels Werke*. Vol. 1. Berlin: Dietz Verlag, 1974.
28. *Merton R.K.* *The Self-Fulfilling Prophecy* // *Social Theory and Social Structure*. New York; London: Free Press, 1968. P. 421–436.
29. *Močnik R.* *Mescevo zlato — Presern v oznacevalcu*

- / DDU Univerzum. Ljubljana, 1981.
30. *Močnik R.* Towards a Materialist Concept of Literature // *Cultural Critique*. 1986. № 4. Fall.
31. *Močnik R.* A Theory of Metaphor // *The Subject of Democracy*, Slovene Academy of Sciences and Arts. Ljubljana, 1988.
32. *Močnik R.* From Historical Marxisms to Historical Materialism: Toward the Theory of Ideology // *Graduate Faculty Philosophy Journal*. New School for Social Research. New York, 1991. Vol. 14, № 1. P. 117–137.
33. *Močnik R.* Der 18. Brumaire des östlichen Frühlings // *Krieg in Europa*. Gaisbacher, Kaser, Promitzer, Sax, Schogler, hg., DIPA-sandkorn. Graz, 1992.
34. *Močnik R.* Ideology and Fantasy // *The Althusserian Legacy* / E.A. Kaplan and M. Sprinker, eds. London; New York: Verso, 1993. P. 139–156.
35. *Močnik R.* Die Machtmechanismen des Übergangs // *Die Machtmechanismen des Übergangs*, Jugoslawische (Sch)Erben / A. Bremer ed. Osnabruck; Munster: Fibre, 1993.
36. *Močnik R.* Penser, aujourd'hui // *Lignes*. Septembre. Paris: Hazan, 1993. № 21.
37. *Močnik R.* Footnote to the Discussion // *NSK Embassy in Moscow: How the East Sees the East*. Ljubljana: NSK-Irwin Publication, 1993.
38. *Močnik R.* Marcel Mauss — klasik humanistike // *M. Mauss, Esej o daruin drugi spici*. Ljubljana: Studia humanitatis, 1996. S. 267–303.
39. *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 186 p.
40. *Oye K.A.* Cooperation under Anarchy. Princeton: Princeton University Press, 1986. 269 p.
41. *Putnam H.* The Many Faces of Realism. LaSalle: Open Court, 1987.
42. *Quine W.V.O.* Word and Object. Cambridge; Massachusetts: MIT Press, 1960. 294 p.
43. *Rosenthal J.* What is Life?: A Habermas Critique // *Social Science Information*. 1992. Vol. 31, № 1. P. 5–42.
44. *Said E.* Orientalism. London: Routledge and Kegan Paul, 1978. 368 p.
45. *Sibony D.* L'Affect «ratial» // *La haine du desir*, Bourgois, 1994. 281 p.
46. *Freud S.* The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. In 24 vol. London: The Institute of Psycho-Analysis, Hogarth Press, 1953–1974.
47. *Taylor Ch.* Multiculturalism and «The Politics of Recognition». Princeton: Princeton University Press, 1992.
48. *Weber M.* Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. 1. 1469 p.
- Получено: 30.11.2013.*
The date of the manuscript receipt: 30.11.2013.

SUBJECT SUPPOSED TO BELIEVE AND NATION AS A ZERO INSTITUTION

Rastko J. Mochnik

Faculty of Arts, University of Ljubljana; 2, Askerceva str., Ljubljana, 1000, Slovenia

In the following text, we try to systemise the results of different theoretical elaborations which become the part of vividly changing historical conjunctures of the past decades, were led, by the intertwining logics of theoretical work and historical practices, to articulate themselves around Althusser's concept of ideological interpellation. Whatever theoretical effects our efforts may have hopefully produced, they have been attempted from within a rather heterogeneous set of practices, and were trying to think, that is, to «organise» in the intellectual and in the political sense, our historical commitments and struggles of the past decades upon a theoretical background where the powerful theoretical apparatus legated by Althusser's re-interpretation of historical materialism had a prominent place. While, during the brilliant marches of the eighties, when, at each step, the historical process seemed to overtake the sparkling phrase, we might have been lulled into self-blinding complacency, we have now been cruelly crushed back onto the earth, wondering why the eighteenth Brumaire so obstinately follows different Springs.

Key words: Neo-Marxism; ideology; ideological interpellation; subject; nation; compulsion.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мочник Р. Субъект, предположительно верящий, и нация как нулевой институт // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2014. № 2(18). С. 5–19.

Please cite this article in English as:

Mochnik R.J. Subject supposed to believe and nation as a zero institution // *Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»*. 2014. No 2(18). P. 5–19.